

Раздел 5. Проблемы художественного перевода

И.Б. Ворожцова

Удмуртский государственный университет

(Ижевск, Россия)

ПЕРЕВОДЧИК И АВТОР: ПРИМЕР СОДРУЖЕСТВА (О ПЕРЕВОДЕ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ Н.В. ВОЛКОНСКОЙ)

Взаимодействие переводчика и автора бывает обычно опосредованным через текст перевода. Рассматривается редкий случай непосредственного взаимодействия, когда автор принимает активное участие в работе переводчика, а переводчик прислушивается к автору. Исследуются три группы авторских включений, вследствие которых достигается эффект «звучания голоса» автора на перекрестке французской и русской культур. Все эти включения вполне описываются особенностями синтаксического строя речи и номинативных средств французского языка по сравнению с русским, подкрепляя, дополнительно к содержанию текста оригинала, своеобразие фигуры автора, что и оценивается как содружество автора и переводчика.

Ключевые слова: *автор, переводчик, средства включения автора в текст перевода, авторская речь, содружество автора и переводчика, аутентичность.*

I.B. Vorozhtsova

Udmurt State University

(Izhevsk, Russia)

TRANSLATOR AND AUTHOR: AN EXAMPLE OF COOPERATION (BASED ON TRANSLATION OF THE MEMORY BOOK BY N.V. VOLKONSKAYA)

Cooperation between a translator and an author is usually based on a translated version of a source language text. This article deals with the rare example of direct cooperation, when the author takes part in the translator's work, while the latter takes into account the former's ideas. Three groups of an author's integration means are presented. They are supposed to give the book an effect of French and Russian cultures interaction. Cooperation between the translator and the author is said to be expressed with French syntaxes and nominative language peculiarities in comparison with Russian. In addition, the author's personality introduction to the source language text is shown.

Keywords: *author, translator, means of an author's integration into translated version, author's words, cooperation between the author and the translator, authenticity.*

Издательскому дому ERGO (Ижевск) интересны книги о судьбах людей. Одной из таких публикаций была книга воспоминаний Надежды Владимировны Волконской [1]. Она потомок одной из древних русских фамилий, и ее

воспоминания интересны и как реконструкция жизни одной из ветвей этой семьи в эмиграции, и как рассказ о судьбе отдельного человека, нашей соотечественницы, оказавшейся на перекрестке культур и событий.

Семья Волконских испытала все тяготы эмиграции. Об этом воспоминания ее тети – Ольги Дмитриевны Волконской «Так тяжкий млат...», так же изданной ERGO. Они были переведены С.Ю. Полицеймако в авторизованной редакции Н.В. Волконской. И, наконец, сама Н.В. предложила свои воспоминания для перевода. Переводчик С.Ю. Полицеймако и автор работали над переводом вместе. Это особая ситуация для переводческой работы, и ее интересно пронаблюдать.

В чем ее особенность? Здесь меняется соотношение текста автора и текста переводчика. Для научного текста текст автора – это развитие его концепта, и переводчику в его тексте важно передать ход исследовательской мысли, ее аргументацию, следовать способу данного автора сказать о предмете исследования, передать суждения по поводу других. При переводе публицистики, где автор активно воздействует на адресата, важно сохранить этот публицистический градус. Мемуары – это текст о себе, описание своего жизненного пути. Важно выстраивание жизненного контекста: кто, где, когда, какие события, – ощутить образ автора: что за человек, что он чувствовал, какие жизненные коллизии решал, как справлялся с ними. Это выражение чувств, мыслей, оценок, где автор имеет свой голос. И этот голос делает текст живым. Содружество автора и переводчика, вынесенное в заглавие статьи, сложилось, несомненно, в ходе совместной работы автора и переводчика над переводом воспоминаний, где голос автора звучит во всей своей полноте. Показать это звучание – цель данной статьи.

Судьба Надежды Владимировны сложилась так, что она родилась и росла во Франции, родной язык французский. Ее родители эмигрировали после Октябрьской революции, бросив все, чем они владели, с чувством обиды изгнанников. Франция их приняла, и они не могли не быть ей за это благодарны. Часто поэтому родной язык русских эмигрантов был изгнан из обихода. Так, например, Борис Дольто, муж замечательного детского психоаналитика Франсуазы Дольто, русский, вынужденный в 20 лет покинуть родину, отказался учить своих троих детей русскому языку, настолько эта обида на родину была остра. Так и для Надежды Владимировны родным языком был французский. Русский язык она стала учить, будучи взрослым человеком, перед поездкой в СССР со своим мужем-дипломатом. Любопытно, что именно тогда она прочувствовала свои русские корни.

Автор воспоминаний владеет французским и русским языками. В ситуации двуязычия, то есть с собеседниками, свободно владеющими фран-

цузским языком, она часто прибегает к французскому. В случае, если собеседник использует русский язык, она тоже говорит по-русски, но, бывает, предупреждает, что не очень хорошо говорит. Читателю воспоминаний понятны эти извинения, в них предстает образ человека очень скромного, в юности неуверенного в себе, стремящегося не злоупотреблять вниманием другого. Последнее присуще французской культуре.

На самом деле, Волконская прекрасно владеет русской речью. Семейей они долго прожили в Москве и активно общались на русском языке с разными людьми. Но в особенности с людьми из культурной элиты – учеными, музыкантами, художниками, писателями: А.Д. Сахаровым, М. Ростроповичем, А. Менем, М. Мамардашвили и др. Она часто выступает перед русскоязычной аудиторией, разъясняя весьма трудные вопросы философии индийской мыслительницы Сунгари. Так что извинения в недостаточности владения русским языком не имеют под собой почвы. У нее русская сноха, ее муж, наполовину русский по происхождению, прекрасно говорит по-русски, сын владеет русским языком.

Ее устная речь на русском языке имеет свои особенности: полное проговаривание с грассированием и французской интонацией, речевые обороты французского происхождения, транскрибирование французского звучания имен и географических названий, частое употребление слов латинского и греческого происхождения, которыми изобилует французская речь, и некоторые другие. Вместе с тем это в полной мере аутентичная речь, соответствующая ситуации общения, богатая по содержанию и средствам. Все они в той или иной мере присутствуют в русском переводе, что, собственно говоря, и обеспечивает звучание собственного голоса автора.

Чтение текста воспоминаний дает возможность услышать этот голос в полной мере. Изучение русского текста воспоминаний показало 3 группы переводческих решений, сделанных в пользу авторской речи.

Группа 1. Речевые обороты французского происхождения

Французский язык оказал большое влияние на русскую речь XVIII – начала XIX века. Эти французские «следы» именуется галлицизмами. Тогда они осуществляли широкую экспансию и ясно осознавались как чужеродные. Об этом подробно пишет В.О. Ключевский [2]. А в истории русского литературного языка это целый этап борьбы с галлицизмами в конце XVIII – начале XIX века. Так, А.С. Пушкин в письме С.Н. Глинке от 26.03.1836 года пишет: «... Искренне благодарю Вас за любезное письмо Ваше (извините галлицизм) ...». Комментаторы Б.Л. и Л.Б. Модзалевские, Н.В. Измайлов, С.М. Бонди, И. Семенко в примечаниях к письму замечают: «За какой галлицизм извиняется Пушкин в своем письме неясно. Письмо

поэта написано хорошим русским языком, слова *искренно* и *любезное* галлицизмами не являются» [3, с. 424].

Галлицизмы того времени были переработаны русским языком и сейчас как таковые не воспринимаются. Ю.Е. Прохоров, ректор Института русского языка им. А.С. Пушкина, в лекции проекта «Академия» по телеканалу «Культура» свидетельствует: «Пушкин пишет жене 22 сентября 1832 года: «Не сердись, женка; дай слово сказать. Я приехал в Москву, вчера в среду. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и – неслыханная вещь! – их подковывали на дороге. <...>». Случалось делать три станции», – явно что-то устаревшее, и это связано со сменой лошадей, и нам сейчас не очень понятное».

Галлицизм в письме Глинке обнаруживается в синтаксическом построении: повтор *Vas* и *Vaue*. В русской речи такой повтор не принят, а во французской очень даже: *Je vous remercie sincèrement pour votre aimable lettre*. Но он как таковой уже не воспринимается. В редакторских практиках переводов просто вычеркивается притяжательное местоимение, повторяющее личное. «Делать три станции» является калькой с французского *faire trois stations* – проезжать три станции (до смены лошадей).

В данной статье мы не учитываем галлицизмы, укорененные в русском речевом сознании. Как показано выше, они уже не опознаются как таковые. Предметом описания являются те фрагменты, где ощущается иноязычная основа употребляемых выражений. Цель их рассмотрения – увидеть своеобразие привносимого в русский текст французскими речевыми практиками автором произведения.

(1.1.1a) **Заставить разделить** плоды своего опыта не простое дело [1, с. 9].

Во французском тексте выделенному выражению наверняка соответствует *faire partager*, глагол *faire* обозначает «сделать так, чтобы другой произвел действие *partager*, воспринял эти плоды». Действие *faire* не предполагает нажима, воздействия на другого: *я предлагаю свой опыт, я делаю это; возможно найдется кто-то, кому этот опыт окажется полезным* (1.1.1б). В семантике русского глагола «заставить» («принудить сделать что-либо, поступить каким-либо образом» – [грамота.ру](http://gramota.ru)) есть значение «я настаиваю на том, чтобы другой воспринял этот опыт, сделал его своим» (1.1.1в). Это своего рода насилие, давление со стороны Я – компонент значения глагола *заставить*, который является добавочным к его основному значению «сделать так, чтобы другой сделал».

Сама структура фактитивной конструкции *faire+faire* отражает суть диалогического взаимодействия во французской речи: «Я делаю *faire*, ты дела-

ешь *partager*, я не вмешиваюсь в то, что ты делаешь» (1.1.1б). Для русского общения вмешательство Я в дела Ты отвечает самому принципу диалогического взаимодействия в русской культуре: доминирование Я. В акте диалогического взаимодействия есть Я и Ты: *faire* (Я делаю), *partager* (Ты разделяешь, у тебя появляется мой опыт); *заставить*: Я делаю и Я воздействую [4].

Автор оставляет фактивную конструкцию *заставить разделить* в смысле (1.1.1б), которая привлекает внимание читателя несоответствием доброжелательности интонации текста и коннотации нажима.

Диалогическому взаимодействию во французской культуре присуща такая черта, как управление вниманием собеседника (помощь в движении по смыслу текста), своего рода эксплицитная адресованность речевого высказывания, выраженная такими средствами, как глагольные времена, артикли, единство синтаксического субъекта в предложении, гипотактические конструкции, интонация, структура текста и др. Другой чертой является прециозность как забота о читателе/слушателе, что предполагает воздерживаться от прямого воздействия, как в нижеприведенных примерах.

(1.1.2) *Страдавшая от своего не слишком привлекательного телосложения, она ...* [1, с. 49].

Автор избегает сказать прямо «от своей полноты», она щадит женщину, о которой идет речь, она заинтересована в том, чтобы у читателя возник позитивный образ.

Позитивность в изложении прослеживается на всем протяжении текста воспоминаний. Подчеркивается, что было хорошего, а когда изложение переходит к описанию испытаний, то это делается без эмоционального нажима:

(1.1.3) *... но пришла пора отдавать дань годам страданий и испытаний* [1, с. 76].

Не сразу понимаешь, что дальше речь пойдет о «жизненных катастрофах».

(1.1.4) *Баби получала приличную пенсию, но она не желала расходовать свободные средства.*

Что такое свободные средства, которые у нее имелись? Для француза ситуация ясна: бабушка клала деньги в банк под проценты и оставляла себе какие-то наличные на текущие расходы. Эту предметную ситуацию и описывает Н.В. И она не склонна осуждать свою бабушку, которая не спешила раздавать родным деньги.

Эта черта французского дискурса, которая и именуется в лингвистических работах «прециозностью», состоит в том, чтобы затушевать экспрессию в обозначении элементов или событий действительности, смягчить эмоциональность в отношении к высказыванию и к адресату, обозначить позитивное отношение к собеседнику в сообщении [5; 6].

В прециозности отражены характеристики доминирующего типа позиции диалогического взаимодействия во французской культуре, который мы обозначаем как Ты-позиция. Ей свойственна дистанция между Я и Ты, соблюдение личного пространства собеседника и своего собственного, позитивное отношение к собеседнику и высказыванию. Отсюда распространение косвенных номинаций во французском общении. У французской речи есть своя техника строить речевые формулы, приятные на слух и гипнотизирующие своей эlegantностью тех, кто их слушает, кому они предназначены [4, с. 95–96].

Диалогическое взаимодействие в рамках Ты-позиции опирается на предметность содержательной стороны общения. Собеседники отсылают друг друга к внеязыковой ситуации, описывают, что именно, с кем, где и когда происходит, а затем уже делятся своими впечатлениями, суждениями и оценками.

(1.1.5) *Мама тотчас же ответила утвердительно* [1, с. 50], то есть согласилась. Ответить утвердительно – это сказать «да». Согласиться – это уже сделать логический вывод из действия «ответить утвердительно».

(1.1.6) *Для того чтобы нас помыть, мама ставила в большую лохань тазы и одновременно жгла спирт, чтобы во время мытья нам не было холодно* [1, с. 11].

(1.1.7) *Баби была ..., но обладающей чувством юмора, порою колким* [1, с. 43]. Во французском тексте, скорее всего, *aigu* – острый, который колется.

(1.1.8) *Он умер на пороге своей квартиры* [1, с. 37]. Точное указание места.

Синтаксические конструкции с активным субъектом действия (ФЯ) – Устранение активности субъекта/субъекта (РЯ)

(1.2.1) *Я глубоко страдала* [1, с. 11]. Глагол *страдать* выступает как активное действие. Русский язык предпочитает «прятать» активность действия, переводя это действие в состояние, и выражать субъекта не прямо, а косвенно: *мне было больно / обидно*.

(1.2.2) *Мишель как самый младший из нас имел привилегию при раздаче подарков* [1, с. 17]. *Avait le privilège* означает, что Мишель как младший получал свой подарок первым.

Что в этой конструкции французского? Активность субъекта, занимающего синтаксическую позицию подлежащего [7; 8; 9]. Он обладал привилегией, это его неотъемлемое право как субъекта обладания. Русская речь стремится перевести активность в пассивность – *получать*, пассивность адресата дачи, активным здесь является тот, кто дает. Что остается Мише-

лю и другим адресатам действия *давать*? Ждать, когда ему дадут. Это лишает его активности.

(1.2.3) *Она забыла французский язык во Франции* [1, с. 28]. *Забыть* как активное действие. Русская речь предпочтет состояние: *Она не владела французским языком, на котором говорят французы во Франции*.

Вот еще один интересный фрагмент:

(1.2.4) *Во время <...> мы неожиданно получили приятное известие: нам сообщили, что в одном из ближайших пригородов Парижа, в Монруже, нас ждет дом* [1, с. 49].

Дом выступает как активный субъект состояния *ждать*, и это воспринимается как «оживление» такой важной для человека вещи, как дом, своего рода художественный образ.

(1.2.5) *Мы жили тогда на рю дю Фобур Пуссоньер в двухкомнатной квартире, которую мы, в ожидании другого жилья, делили с супружеской парой из Польши* [с. 36].

Делить имеет результатом проживать разным семьям вместе в одной квартире как коммунальной. Обозначается акт договора о разделении площади проживания, о границах пространства, принадлежащего каждому из квартиросъемщиков, выделение субъектов и объектов обладания. Это выражение, абсолютно непонятное для русских студентов, изучавших французский язык еще 20 лет назад, до сих пор используется ограниченно русскими, изучающими французский язык.

(1.2.6) *Я возобновила отношения с...* [1, с. 117]. Активная позиция субъекта переводится в состояние в русском высказывании: *Я стала вновь бывать ...*

Еще одной чертой, присущей французскому синтаксису, является стремление в сложных фразах сохранить **единство/единственность синтаксического субъекта**.

(1.3.1) *Перед тем, как поставить меня под антропометр, чтобы измерить рост, один из полицейских, шутя, воскликнул: <...>* [с. 39].

(1.3.2) *Ив де Отоклок имел диплом школы политических наук, был обладателем патента пилота туристических самолетов, а также был составителем справочника о представителях французской элиты* [с. 78].

Рассказывая о посещении в США своих знакомых, автор делится своими впечатлениями:

(1.3.3) *Я нашла моих друзей и их детей удобно устроенными в прелестной маленькой квартире* [с. 154].

Во французском языке много средств для того, чтобы слово любой семантики сделать подлежащим и от него разворачивать сообщение, как это видно на предыдущих примерах 1.2.4, 1.3.1 и др.: причастные обороты, ин-

финитивные конструкции, фактитивный залог, предложные конструкции, фазисные и симметричные глаголы [10; 11; 12]. В примере [1.3.3] *Я* подчиняет себе всех остальных участников ситуации. В русской речи предпочтительным будет их разделить: *При нашей встрече мне показалось, что они хорошо устроились.*

(1.3.4) *Желая расширить свои знания, Жорж поступил в Институт администрирования предприятий и получил диплом* [1, с. 157].

(1.3.5) ... *лежали подарки, ... которые будили нетерпеливое любопытство у наших друзей* [1, с. 132].

Стремление обеспечить единственность синтаксического субъекта (подлежащего) обуславливает менее жесткие условия употребления причастных оборотов, чем в русской речи, где необходимо, чтобы подлежащее было также семантическим субъектом для действия, выраженного причастием. Ср. комичность фразы из «Двенадцати стульев»: *Подъезжая к станции, у него украли пальто его брата...* Кто подъезжал? Кто украл?

Французская речь допускает такое несоответствие.

(1.3.6) *После нескольких лет, проведенных в Горьком под домашним арестом, Михаил Горбачев разрешил лауреату Нобелевской премии мира академику Андрею Сахарову вернуться в Москву.*

(1.3.7) *Будучи еврейского происхождения, отец Александр был очень привязанным к своим корням* [1, с. 110]. В русском языке деепричастный оборот часто вводит значение причины.

Обращает на себя внимание и присутствие в русском тексте воспоминаний инфинитивных конструкций с предлогом *pour* со значением ложной цели.

(1.3.8) *Мы вернулись обратно, чтобы через несколько часов вновь отправиться в аэропорт* [1, с. 123].

Еще ряд чисто французских конструкций.

(1.3.9) *Но вместо того, чтобы быть раздавленной, эта выставка именована международный резонанс* [1, с. 144].

(1.3.10) *По поводу Загорска мне вспоминается один показательный эпизод...* [1, с. 148].

И еще один тип синтаксической конструкции, где сказуемым выступает глагол/глагольное речение со значением, сопровождающим основное действие: *avoir le plaisir, commencer de, finir par, finir de, être enclin, aller faire etc.*

(1.3.6) *Время от времени мы собирались навестить нашего отца, оставшегося в Булонь-сюр-Сен* [1, с. 37].

(1.3.7) *У меня было таким образом удовольствие констатировать, до какой степени благополучно <...> J'ai eu ainsi le plaisir de constater...* [1, с. 154].

Таким образом, основная предикация выводит в центр внимания смыслы, сопровождающие основное событие, выраженное инфинитивом. Для русской речи именно оно становится основной предикацией: *Время от времени мы навещали... Я с удовольствием констатировала...*

Группа 2. Номинативные средства, присущие французской речи

Общеупотребительная лексика (ФЯ) – Терминологическая лексика (РЯ).

(2.1.1) *Они (русские) стали жить в автаркии* [1, с. 28]. Это слово не используется в общеупотребительном узусе русской речи. Что такое автаркия? Экономическая политика, направленная на обособление национального или регионального хозяйства, создание замкнутой, самообеспечивающейся экономики, то есть это жить обособленно.

(2.1.2) *Переезд мне был **противопоказан*** [1, с. 50].

(2.1.3) *Андрэ работал **спорадически***. [1, с. 62].

(2.1.4) *...буколическая атмосфера XIX века...* [1, с. 81], про посещение дома Жорж Санд.

(2.1.5) *Стажировки для студентов или для кадров, готовящихся на длительный срок отбыть из СССР* [1, с. 82].

(2.1.6) *...курсы разговорного русского языка и русской цивилизации* [1, с. 82].

(2.1.7) *Он также был автором нескольких **коммуникаций** и представил опыты ...*

(2.1.8) *...я еще оставалась в Париже для урегулирования **административных дел***.

(2.1.9) Про Шнитке: *он был такой чувствительный, **сентиментальный***. Фр. sentimental означает «испытывающий чувства, имеющий чувства». Название романа Г. Флобера L'Education sentimentale точно передано в переводе на русский как «Воспитание чувств».

(2.1.10) *Эта пара была **экспатрирована** в Новую Зеландию* [1, с. 132].

Разный объем значений слов, включенных в динамику заимствования.

(2.2.1) *Я даже знала одну даму, которая до революции была **профессором** французского языка в Москве* [1, с. 28].

(2.2.2) *Марина позвонила нам и пригласила на обед ...Мой муж Жорж был не восторге от ее **кухни**, но согласился пойти...* [1, с. 37].

(2.2.3) *Каково же было изумление полицейских, когда они узнали, что девочка-подросток, представшая перед ними, носит титул «**принцессы**». Они тут же прозвали меня «**принцессой де Бельвиль**»* [1, с. 39].

Наталия Владимировна – княжна Волконская, ее мама была княгиня Волконская. Принцесса толкуется в словаре русского языка как *дочь короля или жена принца*, принц, в свою очередь, – *титул члена царствующего дома* с пометой «в Зап. Европе». Дается ссылка на происхождение русского слова от немецкого *Prinzessin* или французского *princesse*. Во Франции существовали и частично продолжают существовать следующие титулы (по возрастающей): *seigneur – baron – vicomte – comte – marquis – duc – prince – roi* (король). Французское слово *princesse* означает особу царствующего дома, русское *княжна, княгиня* – соотв. *дочь и жена князя, князь* – почетное звание некоторых дворянских родов, от владетельных князей, или жалованных почетно. Очевидно, для французского полицейского *принцесса* имеет отношение к царствующей фамилии, чего нельзя сказать о *княжне*.

(2.2.4) *После того, как мама покинула супружеский дом, Лев Александрович Гончаров, которого мы прозвали Сан, перебрался жить к нам* [1, с. 38]. *Покинуть дом* – это уйти жить в другое место, или просто уйти из этого места, больше не находиться в нем. Здесь-то речь идет о том, что супруги разошлись.

(2.2.5) ... *старшие оставались болтать, не в силах удержаться от того, чтобы снова не «делать историю»* ... [1, с. 41]. Выражение *faire de l'histoire* многозначно: заниматься историей и делать историю. В русской речи эта многозначность разрешается за счет использования разных глаголов – *делать* и *заниматься*.

Французский контекст именованя событий, мест, людей, занятий.

(2.3.1) *После Второй мировой войны в возрасте 18 лет он (Борис Свешников) поступил к Школу изящных искусств в Москве* [1, с. 140]. В Москве есть Училище живописи, ваяния и зодчества.

(2.3.2) ...*однажды после очередного боя, когда русские отважно сражались, но победу одержали немцы...* [1, с. 38]. В русском сообщении оценка будет опережать событие, будет предвосхищение результата. А поскольку он отрицательный, то сражались они *отчаянно*. Это типичная речевая стратегия для русских: *К сожалению, не все об этом знают, но так получилось, что С. экзамена не сдал*.

(2.3.3) *В четверговую школу в православном приходе на рю Петэль...* Принцип именованя регулярных занятий по-французски – указание времени посещения, времени события. В русской речи тоже встречаются *воскресная школа, субботники*, но это достаточно редко. У франкоговорящих принято называть предметы по цвету, форме, материалу, в меньшей степени по назначению. Для французской речи это очень распространенный прием именно так обозначать регулярные события. Так, например, есть *carte*

orange (льготный проездной билет), carte grise (технический паспорт), carte rose (водительские права), carte verte (международное удостоверение водителя), carte bleue (кредитная карточка), période rouge, période verte, période bleue на железнодорожном транспорте, указывающие временные интервалы льгот на проезд или их отсутствия.

(2.3.4) *Мы жили на Лау-ле-Роз* [1, с. 66]. Предлог *sur* обозначает размещение на поверхности, включая названия населенных пунктов, мыслимых как поверхности: *Лау-ле-Роз* – коммуна в департаменте Валь-де-Марн. Подтверждение мы находим в широком использовании предлога с названиями городом: *sur Paris* – в Париже. В русском языковом сознании населенный пункт мыслится как вместилище, отсюда предлог «в»: *в Михайловке, в Москве, в Удмуртии и т.п.* Хотя есть прецеденты: на Украине, на Тамбовщине.

(2.3.5) Загадочная фраза: *Размещение гостей за столом – это «черный зверь» для дипломатов...* [1, с. 91]. Речь идет о фразеологизме *bête noire* (de qn) – *что-то, что вызывает непреодолимую антипатию, что пугает, вызывает страх, терзает*. Синонимы: *cauchemar, épouvantail* (пугало, страшилище), *supplice* – пытка, *tourment* – терзание. Само описание в воспоминаниях приготовлений к приему гостей раскрывает переживания хозяев. Для дипломатов это головная боль, сильные переживания, связанные с оценкой труда и дальнейшим карьерным ростом.

(2.3.6) *Марина развернула передо мной красный ковер воспоминаний* [1, с. 118]. Красиво звучит! Но что же связано с красным ковром? Выражение *dérouler le tapis rouge* означает принять как почетного гостя.

(2.3.7) *На дачах во всю мощь топились знаменитые **фаянсовые** русские печи* [1, с. 137].

(2.3.8) Про первую жену Льва Разгона: *она была арестована и умерла в плену...* [1, с. 138].

(2.3.9) *Ближе к 80 годам Лев написал несколько произведений, в том числе «Непридуманное», где он в деталях излагает свои воспоминания о **плене***. Нам-то понятно, что речь идет о лагерях.

Конструкция существительное+прилагательное для выражения отношения (ФЯ) – предложно-именная конструкция (РЯ).

(2.4.1) *Я понимаю, что именно в те **болезненные** годы...* [1, с. 57]. Французская речь изобилует конструкциями типа *années douloureuses* для выражения значения отношения между предметом, выраженным существительным, и предметным значением прилагательного. Не значения качества, как это часто бывает в русском языке *болезненный цвет лица*, а именно отношения: *годы болезни и страданий*. В предшествующем этому выражению

абзаце Н.В. Волконская рассказывает о двух операциях, которые она перенесла, о тяжелой атмосфере в семье, непонимании, плохом самочувствии и финансовых тяготах.

Приведу в пример *dimension culturelle* – в масштабе культуры, *dromacartes événementielles* – поздравительные открытки в честь какого-либо события, *les interdits surmoïques* – запреты, относящиеся к сверх-Я.

(2.4.2) *У него оставалось не более двадцати пяти процентов дыхательной способности.*

(2.4.3) *Мы получали многочисленные телефонные звонки [1, с. 105].*

Группа 3. Передача собственных имен

Есть два основных способа передачи собственных имен. В эту группу входят личные имена, географические названия, названия изданий, учреждений и т.п.

Транскрипция: Церковь Сен-Венсан де Поль, рю Нотр-Дам–де-шан, Ножан-ле-Ротру, замок Сен-Лу, департамент От-Марн, Бодуэн, Пти Паризьен, частный католический лицей «Энститю де ла Тур», Анри Труайя, Элен Каррэр д' Анкос, рю Фобур Пуэнсоньэр, Шато де Вилларс, Сен-Марсель в От-Марн, сигареты Житан, больница Кремлен-Бисетр, магазины издательства «Атье», ресторан в замке Крейер, авеню Отей, Мартен Буиг и др.

Транслитерация. Она используется для передачи имен, для которых уже существуют общепринятые нормы, основанные на письменной традиции (известные места, известные люди): Биарриц, Диана де Бройль, принадлежащая известной французской аристократической семье, к которой относился и известный физик Луи де Бройль, Эдинбург и др.

В тексте воспоминаний достаточно часто сохранен голос автора в том, как Надежда Владимировна именуется людей, места. Очень часто они передаются французской транскрипцией (Оксана Боки для Бокий), иногда появляется транслитерация (Хот Марн, Хатье).

Возвращаясь к первоначальному посылу статьи, хочу напомнить, что сохранение голоса автора оказалось очень удачным. Такое содружество автора и переводчика пошло на пользу воспоминаниям нашей соотечественницы и замечательной женщины Надежды Владимировны Волконской, сделали их живым документом эпохи.

Список литературы

1. Волконская Н.В. Вера. Надежда. Любовь. [Воспоминания]: пер. с фр. – 2-е изд., испр., доп. – Ижевск: ERGO, 2011.
2. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5. – М.: Мысль, 1989.

3. Письма А.С. Пушкина: в 3 т. – Т. 3. – М.: Захаров, 2006.
4. Ворожцова И.Б. Культура общения в речевом взаимодействии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2007.
5. Merle P. Précis de français précieux au XXIe siècle. La Renaissance du Livre, 2002.
6. Ворожцова И.Б. Прециозность в современной французской речи // Риторика ↔ лингвистика: сб. ст. Вып. 6. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2005. – С. 37–46.
7. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1976.
8. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – 2-е изд. – М.: Рус. язык, 1988.
9. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.
10. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода: французский язык: учеб. пособие. – М.: Ленанд, 2019.
11. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Изд-во Школы «Языки русской культуры», 1998.
12. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage. – 14-e éd. – De Boeck, Duculot, 2008.

В.А. Разумовская
Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Переводоведение на различных этапах своей сложной и крайне противоречивой многовековой истории обнаруживало «любимые» темы, которые были символами определенного периода. Для первой четверти XXI века (новейший период – «неопереводоведение») такой темой является межсемиотический перевод, получивший действительное развитие только через шестьдесят лет после выхода в свет в 1959 году программной статьи Р. Якобсона. В свете указанной проблематики важное место принадлежит межсемиотическому переводу «сильных» текстов литературы и культуры. Интерпретация вербальных оригиналов текстов литературы средствами невербальных знаковых систем расширяет границы переводимости литературных монотекстов и увеличивает степень их «переведенности». Особое внимание в статье уделяется переводу «сильных» художественных текстов на «язык» кино.

Ключевые слова: *семиотика, семиозис, межсемиотический перевод, «сильные» тексты культуры и литературы, интерпретация, экранизация, вербальный монотекст, политекст кино.*